

УДК 82.0

**СВОЕОБРАЗИЕ ФИЛОСОФИИ ГОРОДА В СТИХОТВОРЕНИЯХ Р. БОРОДУЛИНА:
ТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ С В. БРЮСОВЫМ И М. БОГДАНОВИЧЕМ**

Ключевые слова: символизм, взаимодействие литератур, Валерий Брюсов, Максим Богданович, Рыгор Бородулин.

В статье анализируется стихотворение «Urbi et orbi» Р. Бородулина, посвященное теме города. Рассматривается влияние творчества русского поэта на поэзию Р. Бородулина и М. Богдановича и утверждается, что трактовка города как средоточия зла была близка Брюсову, как и для Бородулина.

Одним из значимых направлений в русской литературе XX века стал символизм. Ярче всего данное направление проявило себя в поэзии, нежели в прозе. Валерий Брюсов стал признанным лидером русского символизма. Его творчество – лучшая школа для учеников, самая плодотворная, чеканная. Поэзия «дисциплины» привлекала классика Максима Богдановича. Интерпретировав по-своему творчество В. Брюсова, в своих произведениях, молодой и очень талантливый поэт обогатил белорусскую поэзию новыми формами и темами: «I ў не так далёкія часы ў нас уся крытыка ў адзін голас называла Максіма Багдановіча інтэрнацыялістам. Так, паэт любіў Расію, бо ўсё ягонае свядомае жыццё прайшло ў Ніжнім Ноўгарадзе і ў Яраслаўлі. Максім Багдановіч ведаў рускую культуру і літаратуру першакрынічна-глыбінна. Ягоная ацэнка Пушкіна і Баратынскага, Лермантава і Адоеўскага, Чэхава і Брусавана не страцілі свайго значэння, бо выказваліся не сумятліва, а ў вечным вымярэнні» [3, с. 320].

М. Богданович стал поэтом-новатором в Беларуси. Его творчество не может быть не замеченным литературными наследниками. Рыгор Бородулин не отрицал эпохальности поэзии М. Богдановича: «Чаму пачаў я слова пра любімага паэта, настаўніка ўсіх наступных паэтаў нашых, з такога верша?» [3, с. 319]. В своих стихотворениях Бородулин не редко упоминает М. Богдановича: «I ў змрочныя часы...сталінізму Максім Багдановіч быў адзіным акном у Еўропу. На творах Максіма Багдановіча вучыліся роднай мове, мове крынічнай, чыстай, не заказанай, не саветызаванай, вучыліся жыць, адчуваць сябе людзьмі думкі, людзьмі, далучанымі да агульначалавечае культуры» [3, с. 325].

Поэзия Рыгора Бородулина не менее символична, чем Валерия Брюсова и Максима Богдановича. В его стихотворениях то и дело возникают образы матери, природы (цветы, птицы, звезды, молнии, неба в целом), религиозные (Христос, Мадонна, крест, икона и т.д.), города (трамвай, квартира, метро).

Безусловно, львиная доля произведений у М. Богдановича и у Р. Бородулина посвящены природе, «вёсцы», родному краю. Не стоит забывать тот факт, что В. Брюсов также написал строки о родной земле:

*К зеленым далям с детства взор приучен,
С единственной луной сжилась мечта,
Давно для слуха грохот грома звучен,
И глаз усталый нежит темнота.
Как отчий дом, как старый горец горы,
Люблю я землю: тень ее лесов,
И моря ропоты, и звезд узоры,
И странные строенья облаков* [5, с. 309].

Сказанное им по-своему продолжил М. Богданович:

*Дождж у полі і холад...Імгла...
Дзесь у вёсцы міргаюць агні.
Там, злякаўшысь, схавалась, ляга
Доля горкая чорнай цяні.
І пад цёмнымі скрыдламі ночы
Не убачыць цяпер яе вочы...
Долю чорную ноч не схавае,
Калі выльецца песня жывая!* [1, с. 167]

Продолжение этого диалога находим у Р. Бородулина:

*Люблю твой нораў, сцішаны і грозны.
Таксама промню кожнаму жадзён.*

Ты павядзеш плячом – шчабечуць вёсны,
Другім – завеі капыцяць загон [4, с. 226].

Объединяет стихотворения этих разных авторов не только обращение к природе, но и общее настроение веры в будущее, лучшее.

Не секрет, что В. Брюсов часто разрабатывал урбанистические мотивы в своих произведениях. Максим Богданович в числе первых ввёл в белорусскую поэзию начала XX века тему города. Примечательно, что у Р. Бородулина есть прямая отсылка к Брюсову и христианству в самом названии одного из стихотворений: «Urbī et Orbi», которое, естественно, посвящено городу. Состоит оно из семи частей. Написать стихи в духе всей мировой поэзии Р. Бородулин, естественно, не хотел, но замысел изобразить сложные взаимодействия личности с окружающим миром очевиден.

Вступительная первая часть построена на антитезе город – природа и написана терциной. Изначально противопоставление дает читателю отрицательный образ города как замкнутого, несвободного пространства, неволи. Авторитетный исследователь символов А. Ханзен-Лёве утверждал: «...небесный шатер в вертикалях подлунного творенья являет собой полюс, противоположный полюсу хтонической природы («земли»). Верхняя полусфера противостоит нижней как возвышенное – материнско-материальному, мужское (небо как даритель воды и жизни) – женскому, аполлоническое – дионисийскому. Однако эта вертикальная полярность неба (Неба-Отца) и земли (Матери-Земли) может символизировать и архетипическое объединение противоположностей по образцу *coniunctio Solis et Lunae* и их химической свадьбы...» [5, с. 392]. В нашем случае земля отождествляется с городом (улица, подъезд, телефон-автомат, тюрьма). Вообще, в первых пяти частях мужское и женское противопоставлено друг другу, но символы не воспринимаются чуждыми друг другу, они единое целое, воплощение дуальности мира.

Поэтический космос Бородулина – это не биосфера в прямом понимании, а воплощение свободы, чистоты, весны, жизни. Один из излюбленных образов Р.Бородулина – небо в его различных интерпретациях (небосвод, звезды, луна, солнце, Млечный путь). Также этот образ присутствует и в «Urbī et Orbi», но в качестве антитезы городу. Во второй части эта антитеза демонизирована: «Пад'езды ў цёпрых волях, як страх, / Пераварваюць чуткаў дыету [4, с. 291]. Символы у поэта олицетворены: «Пад'езды пераварваюць», «снег выпіў», «снег прыглушыў вітрыны», «цёмра хрыпне», «шчокі горада ветрам паголены», «гораду сняцца сны», «захацелася urbī, / Пакачацца ў гурбе», «зажадалася orbī», «слова ступіць». Один из способов напугать читателя, как и у Брюсова: «Горящее лицо земля / В прохладной тени окунула», «Идет и торжествует мгла / На лампы дует, свечи гасит» [4, с. 162]. Ожившая темнота, город, земля, снег увеличивают ощущение тревоги, беспокойства, добавляя демонические краски в общую картину стихотворения: «Снег...выпіў чарнату», «Закат гарыць крывава». Стихотворение выдержано в брюсовской тональности.

В пятой части внимание поэта приковано к определенному социальному слою города: «...як хранічныя алкаголікі, / Закадзіраваны дамы». Эта линия также не чужда русскому писателю. В этом «открытии» города он был первым: «Но пробуждается разврат, / В его блестящие приюты / Сквозь тьму по улицам спешат / Скитальцы покупать минуты» [5, с. 162]. Время в данном стихотворении циклично. В первой части автор акцентирует внимание на небосводе, и мы можем догадаться, что речь идет о вечере. Во второй части «спрабуе акрэсліцца Млечны Шлях», таким образом, читатель догадывается о наступлении ночи. В третьей, четвертой и пятой частях краски сгущаются, поэт описывает ночь. Шестая часть самая мелодичная, где использован свободный стих. Она сообщает о приближении утра: «Гораду сняцца / І негарадскія сны...». Как известно, самый крепкий сон предрассветный. В седьмой части речь идет о рассвете. Форма ее написания схожа с рондо, но не в классической вариации. Первая («Захацелася urbī»), девятая («Зажадалася orbī») строки созвучны в повторении, но не одинаковы. Тринадцатая строка дублирует: «Гораду і свету» (в переводе с латинского «urbī» – город). Здесь присутствует образ коня – символа света, скорости восходящего солнца, хотя самого описания небесного светила нет, бега времени, и образ журавля как символа белорусской культуры. Заканчивается произведение оптимистичными строками, как и должно начинаться утро: «Гораду і свету / Доўгія леты!». Восклицательный знак типичен для сборника русского поэта. Поэзия призыва, действия не терпит полумер и нейтральных знаков препинания.

Для творчества Бородулина характерны противопоставления *город – природа*, *город – небосвод*, *город – свобода*. Город для Бородулина – это мир в миниатюре, где всё причудливо переплетено. М.Богданович подчеркивал, что город – это среда, в которой каждый занят сам собой, для В.Брюсова город – это место обитания современного человека, переплетение порока и культуры. Символическое наполнение элементов городской среды свойственно всем трем поэтам.

Литература

1. Багдановіч, М. Зорка Венера: творы / уклад і прадм. А. Клышкі, М. Багдановіч. – Мінск : Маст. літ., 1991. – 462 с.
2. Багдановіч, М. Поўны збор твораў: у 3 т. Т. 2. Маст. проза, пераклады, літаратурны артыкулы, рэцэнзіі і нататкі, чарнавыя накіды, М. Багдановіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 600 с.

3. Барадулін, Р. Выбраныя творы / Рыгор Барадулін; Уклад., прадм., камент. М. Скобы. – Мінск: Кнігазбор, 2008. – 600 с.
4. Барадулін, Р. І. Збор твораў: У 5-ці т. Т 1. Вершы / Рыгор Барадулін; Прадм. В. Сёмухі. – Мінск: Маст. літ., 1996. – 479 с.
5. Брюсов, В. Я. Избранные сочинения / сост., вступ. статья и примеч. А. Козловского / В. Я. Брюсов. – М.: Худож. лит., 1980 – 574 с.
6. Ханзен-Лёве, А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / Пер. с нем. М. Ю. Некрасова — СПб., "Академический проект", 2003 — 816 с.

S.G. Vasilyeva

Vitebsk State Order of Peoples' Friendship Medical University

e-mail: svetlasha_zyatewa@mail.ru

Originality of the city's philosophy in R. Borodulin's poems: creative dialogue with V. Bryusov and M. Bogdanovich

Key words: symbolism, interaction of literatures, Valery Bryusov, Maxim Bogdanovich, Charles Baudelaire

The article analyzes the poem "Urbi et orbi" by R. Borodulin, dedicated to the theme of the city. The author considers the influence of the Russian poet's work on the poetry of R. Borodulin and M. Bogdanovich, and argues that the interpretation of the city as a center of evil was close to Bryusov, as well as for Borodulin.

В.А. Гембицкая

Полоцкий государственный университет

e-mail: v.hembitskaya@pdu.by

УДК 821.111.09(73)

ПРОЗА У. САРОЯНА О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ

Ключевые слова: У. Сароян, W. Saroyan, «Человеческая комедия», «The Human Comedy», «Приключения Уэсли Джексона», «The Adventures of Wesley Jackson», образ войны, образ дома.

Данная статья посвящена особенностям художественного освоения Второй мировой войны в прозе американского писателя У. Сарояна. Автор статьи приходит к выводу, что произведения У. Сарояна относятся к литературе антимилитаристской направленности, так как для прозаика война – это несчастье и разлука с любимыми людьми. При этом и роман «Человеческая комедия», и роман «Приключения Уэсли Джексона» пропитаны художественной идеей о том, что нет ничего важнее любящей семьи и уютного домашнего очага.

В 1946 г. в США публикуется хлесткий по отношению к собственной армии роман. Произведение называется «Приключения Уэсли Джексона» (*The Adventures of Wesley Jackson*), автором является Уильям Сароян (*William Saroyan*, 1908–1981), американский писатель армянского происхождения. Роман был завершён писателем ещё во время войны, но текст назвали «предательским» [4, с. 120], и рукопись была отклонена. Произведение У. Сарояна опубликовали лишь в 1946 г.

Главный герой романа – добродушный Уэсли Джексон (*Wesley Jackson*). Сам Уэсли подчеркивает, что он не очень хорош собой внешне, более того, он скромно скажет, что его непривлекательность – это самое главное, что следует о нём знать, ведь он «не просто немного безобразен, он безобразен до невозможности¹» («I'm not a little ugly, I'm all ugly» [7, с. 4]). Ещё Уэсли очень не нравится армия, ему от неё «дурно» [7, с. 20], [7, с. 127]. Читатель, в свою очередь, по прочтении романа обязательно отметит то, что главный герой очень спокойный и терпеливый, сентиментальный, наивный, эмпатичный.

В романе армия предстает органом государства и власти, который сразу же запугивает новобранца («*from the beginning they scare you to death in the Army*» [7, с. 10]), чтобы взять его в оборот. Затем делается все, чтобы солдат перестал чувствовать себя личностью. Один из героев романа Джо Фоксхолл (*Joe Foxhall*) замечает, что задумка армии в том, чтобы «сократить военнослужащего до недочеловека – примата с личным номером» [7, с. 75]. У.Сароян в романе создает неприглядный образ армии США, изображая дедовщину, пьянство офицеров, пренебрежительное отношение белых солдат к афроамериканцам; писатель обрисовывает случай гибели солдата на учениях, оправдывает дезертиров. Сам У.Сароян не скрывал, что «три года в армии выбили его из жизни» [9].

Объектом критики в произведении «Приключения Уэсли Джексона» автор, по собственному признанию, выбрал «вранье» (*dishonesty*) [9]. Писателя возмущало то, как во время войны работает пропагандистская машина: эмоциональные призывы к самоотверженности и героизму на поле боя плавно перетекали в пропаганду расовой ненависти. Например, У.Сароян описывает, как на первой организационно-ориентационной лекции Уэсли и сослуживцам сообщили, что японцы –

¹ Здесь и далее перевод мой. – В.Г.